

Академия скандалов

Альфия МаксUTOва, Алена Гурьева, Арина Гнилицкая, Виталий Лейбин

Москва, 27.03.2017

АНТОН НОВОДЕРЕЖКИН/ТАСС

20 марта на общем собрании Российской академии наук (РАН) должны были пройти очередные выборы президента и президиума. Вместо этого произошел скандал: все три кандидата взяли самоотвод, выборы перенесены на ноябрь, академия осталась без постоянного руководства. Что это все значит и имеет ли это отношение к науке?

Скандал

— Нынешний глава академии академик Владимир Фортов, очевидно, не устраивал наше высшее начальство, — говорит Борис Штерн, астрофизик, зачинатель или участник большинства независимых общественных инициатив российских ученых в нашей стране. — Единственный способ избежать того, чтобы он переизбрался на следующий срок, — отменить выборы. Если бы проголосовали сейчас, он бы победил, причем это было всем ясно.

— То есть он пользовался большим авторитетом в Академии?

— Ну, достаточным авторитетом. Скажем так, более высоким, чем предыдущие президенты.

Еще накануне несостоявшегося голосования выяснилось, что двое из трех кандидатов считают процедуру выборов неправильно оформленной и предлагают выборы отложить.

— Про это стало известно и возникло некоторое общественное возмущение, — рассказывает известный биоинформатик Михаил Гельфанд, один из самых острых и остроумных критиков управления наукой в стране. — Потому что отложить выборы — значит оставить Академию без руководства, что само по себе не дело. Ну и, во-вторых, было такое соображение: если человек уже собрался и даже начал играть по каким-то правилам, то странно ближе к концу говорить, что, оказывается, эти правила были плохие. Это немножко пошло.

На скандальном общем собрании открыто обсуждалось, что академика Фортова вызвали на консультации с участием помощника президента Андрея Фурсенко, где было принято решение о том, что Фортов не выдвигается.

— В понедельник открылось собрание. Академики, которые не пользуются интернетом — а их, по-видимому, большинство, — приехали из разных мест и вообще ничего не знали, — иронизирует Гельфанд. — А другие, которые интернетом пользуются, что-то знали... В частности, знали члены клуба «1 июля» — и, более того, написали обращение, в котором говорилось о недопустимости всех этих игрищ. А дальше разгорелся дикий скандал, и кончилось все тем, что, несмотря на активные просьбы Фортова оставить его в покое, подавляющим большинством, примерно 2000 против 20, было решено выборы перенести, поскольку нет кандидатов, но при этом обратиться к правительству с просьбой продлить полномочия действующего президиума и действующего президента.

Фортов не смог занять какую-то конкретную позицию и все же ушел с поста главы РАН. Исполняющим обязанности президента стал известный математик, руководитель «Стекловки» академик Валерий Козлов. Он пока ничего не комментирует и, видимо, оказался в такой ситуации не по своей воле.

Реформа

Упомянутый клуб «1 июля» возник на волне протестов ученых, связанных с реформой РАН, которую попыталось провести в режиме спецоперации правительство в 2013 году. Противостояние началось в далекие 90-е, когда рухнуло финансирование науки и возник постоянный конфликт между правительством, постоянно пытавшимся реформировать РАН, и Академией, которая сражалась за остатки финансирования и организации системы институтов.

Если отбросить некоторые личные интересы участников и понятную борьбу за ресурсы в условиях их сокращения (не говоря уже о нравах периода передела собственности в стране), то суть конфликта всегда выглядела примерно так. Реформаторы считали, что РАН препятствует современной организации науки, перетягивая на себя большую часть ресурсов, а ученые-академики полагали, что сохраняют островки великой советской науки под натиском варваров.

РАН до последнего времени оставалась островком странной независимости в условиях централизации управления в стране и в этой своей автономии продержалась значительно дольше олигархов и губернаторов-тяжеловесов. Влиятельным и всегдашним противником РАН является руководитель Курчатовского центра Михаил Ковальчук, который имеет близкие отношения с руководством страны и крупным бизнесом.

— Эта ситуация сложилась не в Академии наук, эта ситуация сложилась в администрации президента и лично в голове у Михаила Ковальчука, — утверждает Гельфанд. — Сложилась она, потому что стало ясно, что академик Панченко, который является ставленником Михаила Валентиновича, шансов избраться не имеет.

Молодые и активно работающие ученые до реформы 2013 года были критиками действительно устаревшего стиля управления РАН. В частности, инициативы Бориса Штерна, формировавшиеся сначала вокруг порта Scientific.Ru, а ныне вокруг газеты «Троицкий вариант. Наука», благодаря публикациям списков наиболее цитируемых и активных ученых доказывали, что настоящая современная наука живет вне административной борьбы правительства и РАН — и надо обсуждать не кто хуже, а как финансировать наиболее успешные и мощные научные группы. Но в 2013 году ситуация резко изменилась.

— В этом столкновении науки, Академии и власти, конечно, все на одной стороне, — говорит Борис Штерн. — Шутили, что реформа объединила всех: одновременно с одной трибуны выступали люди, которые вообще никогда бы руки друг другу не пожали.

Причина — отсутствие доверия к реформаторам, которые не раскрывают своих целей, пытаются все решить наскоком, очевидно ни с кем не посоветовавшись, ничего не обсудив, не замечая никаких ученых.

А обсуждать есть с кем: научное сообщество стало более организованным. Тот же клуб «1 июля» состоит из академиков-отказников, до ста человек — все большие ученые, — из тех, кто заявил, что не войдет в Академию, если она будет реформирована так, как планировалось поначалу. Примерно тогда же возникло Общество научных работников, включающее уже более тысячи

человек в разных статусах и рангах. В 2013 году был достигнут определенный компромисс, и сейчас, похоже, возникает новая волна реформ.

Реальность

Так повлияла реформа 2013 года на работу? Мы беседуем об этом с первым академиком-отказником, одним из организаторов клуба «1 июля», выдающимся физиком Валерием Рубаковым.

— Там, где не прошла реструктуризация институтов, реформа минимально сказалась на научной работе — РАН и ФАНО постарались сделать так, чтобы деятельность научных сотрудников шла своим чередом, люди работали в более или менее нормальной обстановке, — говорит он. — Зато на дирекции институтов, ученых секретарей и планово-экономические управления обрушился шквал бумаг, часто бессмысленных, но требующих ответа. Что касается меня персонально, в попытках нормализовать ситуацию я оказался втянут в научно-управленческую деятельность и по линии РАН, и по линии ФАНО. Времени на науку у меня стало меньше, но это нехарактерная ситуация.

— А положительные изменения были?

— По большому счету, нет. Как были институты недофинансированы, так все и осталось. Как была наша фундаментальная академическая наука в трудном положении, если говорить о финансовом обеспечении, — так и остается. Ну, какие-то небольшие сдвиги происходят... Например, ФАНО запустило программу целевой поддержки уникальных научных установок и центров коллективного пользования. В РАН такой программы раньше не было. Но это очень мелкие достижения на фоне недостатков: те же вопросы реструктуризации для многих институтов оказались крайне болезненными.

Артем Оганов, кристаллограф, имеющий выдающиеся результаты в деле предсказания и открытия новых химических соединений, большую часть своей карьеры смотрел на местные интриги вокруг Академии из-за рубежа. Он вернулся, в числе прочего, чтобы способствовать возрождению науки на родине:

— Сама реформа вызывает достаточно противоречивые чувства. С одной стороны, Академия наук очень сильно сдала свои позиции и многократно компрометировала себя за последние 25 лет, поэтому какая-то реформа была необходима... Но нужно ли было так жестоко поступать с РАН — покажет время, — считает Оганов. — Сейчас вместо того, чтобы дать Академии какую-то свободу в полномочиях, очень многие вещи спускают сверху. Вместо усиления финансирования — противоположные процессы, а ведь любая действенная реформа требует ресурсов.

На общем собрании Российской академии наук

Если реформы и нужны, то не в сфере больших амбиций и интриг. А в том, чтобы создавать новые направления, придавать динамизм существующим научным группам. Реальность такова, что попытки делать новое и великое сталкиваются с бюрократизмом и административным безумием. И здесь особенно важно опираться на ученых.

— История про лабораторию Владислава Блатова и Давиде Прозерпио в Самаре гораздо более понятна и близка моему сердцу, чем про скандал с РАН, — говорит Оганов. — Это был один из очень немногих мегагрантов, которых получила Самарская область, и, я думаю, самый сильный. Группа просуществовала несколько лет — мегагрант Блатов Прозерпио получили в тот же год, что и я, — 2013-й. После окончания мегагрант продлили... Но к тому времени сложилась неприятная ситуация: Самарский государственный университет был поглощен Самарским аэрокосмическим университетом. С руководством нового университета у Блатова и Прозерпио отношения совсем не сложились, причем рискну утверждать, что исключительно по вине университета. Руководство лаборатории было в приказном порядке передано от Блатова — ее создателя, который является специалистом мирового уровня в этой области, кристаллографом-теоретиком высшей пробы (это я могу утверждать, будучи сам теоретиком-кристаллографом!), другому человеку. Этот другой, я не сомневаюсь, — очень хороший человек, но он не является кристаллографом. Блатов, вероятно, тоже не сможет работать, как и его сотрудники. Фактически стараниями руководства Самарского аэрокосмического университета уничтожается мощнейший исследовательский центр не только этого университета, но и всей Самарской области. Я бы сказал, что лаборатория Блатова и Прозерпио — это национальное достояние России. Нет никакой рациональной подоплеки в том, почему руководство университета уничтожает свою лучшую лабораторию. Даже сумасшедшие такого не делают — они бы поставили под удар случайно взятую лабораторию.

Управленческие проблемы в вузах и в РАН сходные, в них идут административные слияния, борьба за ресурсы и статусы, и в этой игре выдающиеся ученые страдают первыми. В российской науке сейчас мог бы начаться драйв: вернулись некоторые большие ученые, впервые за много лет есть объективные возможности для быстрых карьер молодых групп, старшие поколения уходят, в среднем возрасте — провал. Но предмет реформ остается формальным и бюрократическим, с нарочитым презрением к «объекту реформирования» — самой науке.